

В.А. КОЗЛОВ

## Крамола: инакомыслие в СССР во времена Н. Хрущева и Л. Брежнева

(По материалам Верховного суда  
и Прокуратуры СССР)

Статья 2

### Власть и ее оппоненты: динамика конфликта-2

Приход к власти группы Л. Брежнева в конце 1964 года ознаменовался, по выражению тогдашнего Председателя КГБ В. Семичастного, "некоторым оживлением антисоветской деятельности отдельных лиц" [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 251]. Скорее всего, это было конъюнктурное, ситуативное явление. Действительно небывалым оказалось не расширение масштабов традиционных форм протеста, а появление *качественно новых*, неизвестных руководству страны разновидностей крамольных выступлений. Традиционная подпольная и тайная антисоветская деятельность с ее социалистической в массе своей фразеологией постепенно стала отодвигаться на второй план. Впервые за десятки лет возродилась вполне легальная оппозиционная активность столичной культурной элиты, оказывавшая значительное духовное влияние на студенчество и интеллигенцию.

В отличие от подпольных организаций 1950-х - начала 1960-х годов, которые чаще всего критиковали режим с позиций марксизма и социализма, новая оппозиция возмутила Председателя КГБ тем, что "участники некоторых групп пытались *даже* (курсив мой. - В.К.) пропагандировать идеи реставрации капитализма в нашей стране". Уходила в прошлое революционная романтика подпольных "реформаторов" социализма. В докладной записке КГБ в ЦК КПСС указывалось, что в крупных городах среди вузовской молодежи распространены нигилизм, фрондерство и аполитичность, "равнодушие и безразличное отношение к социальным и политическим проблемам, к революционному прошлому нашего народа", "критиканство под флагом борьбы с культом личности" [РГАНИ. ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 251].

Начиналась новая эпоха - эпоха идеологического кризиса советского коммунизма. Семичастный, при всей глупости и наивности некоторых ключевых суждений, верно почувствовал угрозу не в возникновении новых малочисленных групп, а в широкой ауре интеллигентской оппозиционности. Пытаясь понять, что происходит, он зачислил в "антисоветские проявления" практически все крупные события художественной жизни первой половины 1960-х годов, резко отозвался о "вредной линии" журнала "Новый мир". Все это, по всей вероятности, казалось ему теперь даже более опасным, так как разрозненные подпольные группы органы государственной безопасности умели находить и обезвреживать.

---

К о з л о в Владимир Александрович - кандидат исторических наук, заместитель директора Государственного архива РФ.

В целом Семичастный успокаивал свое начальство, заверяя его в отсутствии причин говорить о "росте в стране недовольства существующим строем или о серьезных намерениях создания организованного антисоветского подполья" [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 251]. При этом он не скрывал, насколько интенсивными стали связи некоторых "антисоветчиков" с обществом и творческой интеллигенцией. "Отщепенцы" не только не прятали больше своего лица, но находили сочувствие и поддержку в интеллектуальном и моральном пространстве интеллигентской фронды. Появилась влиятельная и неуничтожимая среда развития крамолы. Оппозицию стало крайне трудно полностью изолировать от ее социальной базы или окружить стеной молчания.

К этому следует добавить тревогу власти по поводу полуорганизованной националистической оппозиции. Националисты имели еще более широкое духовное влияние. Они могли, в отличие от московских интеллектуалов, выходить за рамки морально-интеллектуальной критики, апеллировать к народным массам, непосредственно влиять на политическую жизнь. Семичастный не случайно начал цитируемую докладную записку с сообщения об аресте 20 украинских националистов, взгляды и документы которых "в различной степени были известны весьма широкому кругу интеллигенции (свыше 1000 человек)" [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 251]. Эти данные относятся только к людям, поименно известным следствию. На самом деле осведомленных о националистической деятельности было, несомненно, значительно больше. А тут еще и прямые контакты полулегальной интеллигентской оппозиции с заграницей. «Никогда еще, пожалуй, после белой эмиграции, - писал Семичастный, - в столь широком масштабе за рубежом не печаталась антисоветская литература, причем ее значительную часть составляют "труды", чьи авторы проживают на территории СССР» [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 255].

В контексте этой конфронтации партии и государства с интеллектуалами следует рассматривать так называемый консервативный поворот группы Брежнева в идеологии. Политическая суть частичной реабилитации Сталина во второй половине 1960-х годов, как мне представляется, была несколько иной, чем это обычно трактует историография. Напомню, что правление Хрущева как бы обрательно просталинскими массовыми выступлениями, причем последнее из них (в Сумгаите в 1963 году) было сугубо простонародным. К этому следует добавить весьма частые случаи народной критики Хрущева именно со сталинистских позиций. Надо полагать, что Брежнев, придя к власти, адекватно отреагировал на эти и им подобные "сигналы". Свертывание критики Сталина было связано не только с попытками идеологического укрепления режима и демонстративным "антихрущевизмом". Эта политика представляла собой уступку "*народному сталинизму*", идейное ядро которого составляла не политическая верность "сталинским заветам", а поиск идеологической оболочки для выражения недовольства условиями жизни. Частичная реабилитация Сталина, разочаровавшая интеллигенцию и ставшая одной из причин расцвета диссидентского движения в конце 1960-х - начале 1970-х годов, позволила "вывести из игры" гораздо более многочисленную и опасную для государства силу - слои "простого народа", недовольные режимом. Призывая к "объективной и взвешенной" оценке Сталина, партийные олигархи выбрали меньшее из двух зол. Они разозлили интеллигенцию, но зато умиротворили потенциальную "простонародную оппозицию", одновременно подкрепив свою политику кое-чем более существенным - материальными подачками народу в конце 1960-х - 1970-х годах.

Интеллектуальная элита не приняла "просталинской" корректировки идеологии, которую она справедливо связала с новыми ограничениями и без того куцей свободы творчества. Выдвинувшаяся из этой среды группа инакомыслящих бросила властям вызов. Она отказалась от методов подпольной борьбы, столь характерных для предыдущего периода. Почти избавившись от комплекса вины перед государственной властью, нередко мучившего их предшественников, инакомыслящие - неслыханное дотоле дело - заявили свои претензии на легальность.

Властям пришлось в спешном порядке заканчивать начатое еще при Хрущеве "осовременивание" репрессивной политики. Тем не менее, первая организованная антиправительственная демонстрация протеста, состоявшаяся в декабре 1965 года на площади Пушкина в Москве, застала "начальство" врасплох. Суть вновь возникшей проблемы Семичастный сформулировал 11 декабря 1965 года в докладной записке в ЦК КПСС. Он сообщил об участившихся в конце года случаях "антисоветских проявлений", в том числе и в форме открытых "политически вредных" выступлений: «Дело иногда доходит до того, как это было, например, в Москве, когда некоторые лица из числа молодежи прибегают к распространению так называемых "гражданских обращений" и группами выходят с демагогическими лозунгами на площади. *Формально в этих действиях нет состава преступления* (курсив мой. - В.К.), но если решительно не пресечь эти выходы, может возникнуть ситуация, когда придется прибегнуть к уголовным преследованиям, что вряд ли оправдано» [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 250].

Стали искать выход. Инициативу в этом взял на себя центр. Неудачные политические импровизации местных властей распространения не получили. Так, неэффективной оказалась тактика ленинградских властей в деле поэта И. Бродского, осужденного в 1964 году за "паразитический образ жизни", а не за "антисоветскую деятельность". Поэт такой деятельностью, собственно, и не занимался, но власти явно раздражал. Первый блин явно вышел комом. Судебный "эксперимент" с "тунеядцем Бродским", по всей вероятности, не встретил поддержки в Москве.

Дело о высылке поэта Бродского из Ленинграда в 1964 году "за тунеядство" до сих пор было известно только по воспоминаниям очевидцев (см. [Эткинд, 1988; Гордин, 1989; Якимчук, 1990]) и стенограммам двух судебных заседаний, сделанным Ф. Вигдоровой. В них отсутствуют данные о внутренней реакции органов партии и юстиции на этот процесс. Между тем, как показало исследование О. Эдельман, эта реакция была далеко не однозначной. Первоначально наблюдательное производство по делу Бродского заведено в Прокуратуре СССР в начале марта 1964 года, еще до осуждения поэта. Основанием послужило письмо заведующего отделом административных органов ЦК КПСС Н. Миронова Генеральному прокурору СССР Р. Руденко от 29 февраля 1964 года: "По договоренности направляю Вам письма авторитетных товарищей, которые ответственно утверждают о беззаконии, допущенном в Ленинграде в отношении 22-летнего поэта и переводчика И. Бродского. Просим все это проверить, принять необходимые меры и информировать авторов писем и Отдел ЦК КПСС". Из текста документа следует, что заведующий отделом ЦК сочувственно отнесся к письму, авторами которого были писатели (К. Чуковский. С. Маршак и другие), и не очень одобрительно воспринял ленинградскую самодеятельность. В прокуратуре письмо зарегистрировали 4 марта 1964 года, снабдили красным штампом "Особый контроль" и в тот же день завели наблюдательное производство (ГАРФ. оп. 31, д. 996161).

В надзорном производстве Прокуратуры СССР по делу Бродского имеется следующее заключение: "Насколько правильно составлена стенограмма судить трудно, но если она правильная, то этот факт лишний раз подтверждает тенденциозность и необъективность рассмотрения дела и скорую расправу с Бродским" [ГАРФ, оп. 31, д. 99617, л. 281. В том же деле имеются протесты Прокуратуры СССР по приговору, вынесенному Бродскому, докладная записка Генерального прокурора СССР Р. Руденко, Председателя Верховного суда СССР А. Горкина и Председателя КГБ В. Семичастного в ЦК КПСС о целесообразности досрочного освобождения поэта [ГАРФ, оп. 31, д. 99617, л. 91-93].

Определяя стратегию борьбы с новыми формами оппозиционных выступлений, центральные власти попытались прежде всего изменить "правила игры". Целый ряд действий, явно враждебных режиму, невозможно было подвести под статьи об антисоветской агитации и пропаганде. Пришлось квалифицировать их как преступления против *порядка управления*. 16 сентября 1966 года Указом Президиума Верховного

Совета РСФСР в Уголовный кодекс были внесены статьи 190<sup>1</sup>, 190<sup>2</sup> и 190<sup>3</sup>. (Аналогичные статьи появились и в уголовных кодексах других союзных республик.) Статья 190 предусматривала уголовное наказание "за распространение измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй". Практически это означало, что за любое критическое заявление "крамольников" и инакомыслящих можно теперь привлечь к уголовной ответственности. Напишет, например, человек, в какой-нибудь самиздатовской статье или листовке, что рабочим в СССР не доплачивают зарплату, попробуй после этого доказать, что это не "заведомо ложное измышление". Единственное ограничение, которое наложила на себя власть, да и то условно, было связано с привлечением к уголовной ответственности именно за *распространение* "измышлений", а не за простое их *высказывание*. Другими словами, обычных "болтунов" режим все-таки оставил в покое.

В принципе статья 190<sup>1</sup> (как и другие новшества 1966 года) противоречила советской конституции. Это дало основание диссидентам протестовать и защищаться, требовать отмены "административного указа"<sup>1</sup>. Одновременно вводилась уголовная ответственность за надругательство над государственными гербами и флагами (ст. 190<sup>2</sup> УК РСФСР). Ранее, если не обнаруживалось "антисоветского умысла", подобные экспрессивные символические действия, получавшие все большее распространение, квалифицировались как простое хулиганство. В борьбе с организованными демонстрациями протеста под лозунгами защиты советской конституции режим попытался использовать статью 190<sup>3</sup> УК РСФСР ("Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок").

Статья предусматривала уголовное наказание не за групповые действия сами по себе, а за их *возможные последствия*: 1) грубое нарушение общественного порядка; 2) явное неповиновение законным требованиям представителей власти; 3) нарушение работы транспорта; 4) нарушение работы государственных, общественных учреждений или предприятий. Однако это отнюдь не гарантировало даже формальной "законности" актов расправы над всеми участниками демонстраций протеста, отстаивавших свое конституционное право на проведение митингов и демонстраций. Согласно статье 17 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик уголовная ответственность распространялась только на организатора групповых действий. Им признавалось лицо, ставшее инициатором преступления или руководившее его совершением. Из диспозиции этой статьи следовало, что рядовые участники групповых действий не подлежат уголовной ответственности и по закону к ним могут применяться лишь меры общественного воздействия.

Тем не менее, можно сказать, что центральная власть в конце концов нашла достаточно нетривиальный, творческий ответ на изменение политической ситуации. Это особенно необычно для режима, до сих пор отвечавшего на народное недовольство исключительно террором, репрессиями и запугиванием. (Последний раз к этой проверенной тактике власти прибегли в 1957-1958 годах, чем собственно и породили многие из своих будущих проблем.) В середине 1960-х годов, особенно после прихода к власти Брежнева, карательные органы окончательно встали на путь систематического "профилактирования"<sup>2</sup> довольно многочисленного околодиссидент-

---

<sup>1</sup> Статья 190<sup>1</sup> была в конце концов отменена при М. Горбачеве Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 года.

<sup>2</sup> В 1972 году применение предупредительных мер получило законодательное подтверждение. Президиум Верховного Совета СССР принял 25 декабря 1972 года указ "О применении органами госбезопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия". Документ не подлежал опубликованию. В нарушение конституции он давал органам государственной безопасности право вызывать для проведения "профилактических бесед" советских граждан, совершивших действия, которые могут нанести ущерб безопасности страны, и в необходимых случаях (по согласованию с органами прокуратуры) делать вызываемым гражданам официальные письменные предупреждения с разъяснением правовых последствий неисполнения этих требований.

ского социального и культурного слоя. Это должно было лишить принципиальных противников власти естественной среды обитания и позволяло не набивать "школы революционеров" в тюрьмах и лагерях новыми способными учениками.

Важным средством борьбы с организованным инакомыслием стали показательные политические процессы над оппозиционными писателями и известными правозащитниками (Ю. Даниэль и А. Синявский, А. Гинзбург и Ю. Галансков, П. Якир и В. Красин). Тщательно подготовленные кампании в прессе, сопровождавшие эти процессы, позволили властям заработать определенный политический капитал, дискредитировать интеллигентскую оппозицию в глазах простых людей и напугать интеллектуалов. В итоге режим снова начал диктовать обществу свои "правила игры". Начальник отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Солонин в докладе от 14 мая 1974 года отмечал "блестящую работу" следователей по делу Якира и Красина: "Ни один из множества эпизодов, вмененных в вину Якиру и Красину, не поколеблен в суде. Как образец, это дело заслуживает, на мой взгляд, того, чтобы на нем поучить всех следователей органов государственной безопасности, как надлежит расследовать подобную категорию уголовных дел" [ГАРФ, оп. 32, д. 8533, л. 1121].

Во второй половине 1960-х годов значительные средства были брошены на усиление тайного политического сыска. В 1967 году КГБ резко активизировал свою агентурную работу. В течение года было завербовано 24 952 новых агента, что составляло 15% от всей агентуры и в два раза превышало количество "выявленных" в том же году инакомыслящих [РГАНИ, ф. 89, перечень 51, док. 3, л. 7]. Несложный подсчет показывает, что в целом агентура КГБ в конце 1960-х годов составляла около 166 тыс. человек, что весьма далеко от традиционных представлений советских людей об окружавших их повсюду тайных агентах. Но этого было достаточно, чтобы контролировать потенциально опасные для режима социальные слои и группы. Сама же легенда о "всепроницающем оке" КГБ, о тотальном контроле над поведением всех и каждого оказывала сдерживающее влияние на многих недовольных. Обложенная со всех сторон органами государственной безопасности, затравленная систематическими идеологическими проработками, изолированная от народа, интеллигентская оппозиция пыталась вдохнуть новые силы в угасающее движение, но ее лидеры были "под колпаком" КГБ, а потенциальных "новобранцев" и сочувствующих немедленно "профилактировали" и "отрезали" от верхушки. Как сообщал ЦК КПСС в апреле 1969 года Председатель КГБ Ю. Андропов, «инспиризаторы антиобщественных акций Красин и Григоренко продолжают изыскивать возможности активизировать вредную деятельность единомышленников и значительно расширить круг своих сторонников. На первом этапе они намеревались распространить среди интеллигенции идею о необходимости создания общества в защиту прав человека. В его функции входил бы контроль за деятельностью таких организаций, как Главное управление мест заключения МВД СССР и обеспечение открытого рассмотрения в судах уголовных дел на лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 70 и 190<sup>1</sup> УК РСФСР. Красин и Григоренко решили подготовить и направить в соответствующие инстанции письмо с просьбой официально разрешить создание указанного общества, договорились учредить, не дожидаясь получения ответа, в Москве, Киеве и Ленинграде так называемые "оргкомитеты" и широко информировать об этом общественность через возможности "самиздата". Инициаторы очередной провокационной затеи полагают, что подобные действия получат поддержку со стороны политически неустойчивых интеллигентов и активизируют вредную деятельность антиобщественных элементов» [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 58-60].

КГБ особо отметил стремление Красина "создать организацию без организации, без коммунистического потенциала", а также и тактические противоречия среди лидеров правозащитников. По мнению Красина, "...Григоренко придерживается такой точки зрения: чем меньше нас, тем агрессивней мы должны себя вести, что единственное наше спасение в непрерывных атаках, что мы партизаны и должны придерживаться партизанской тактики, т.е. заниматься непрерывными вылазками.

Если мы замолчим или снизим интенсивность нашего давления, то нас раздавят..." Выразив свое и Якира недовольство такой тактикой Григоренко, Красин продолжал: "...существует центральное российское движение. Какое оно ни маленькое, ни убогое - оно существует, и это факт. Раз существует движение, значит, существует его цель и, значит, должна существовать общая стратегия. Кроме героизма, кроме жертвенности, которые лежат в основе этого, это движение открытое, легальное, движение, которое не пользуется традиционными методами подпольщины, конспирации, подрывной деятельности, свержения и прочее. Оно имеет свои определенные этические принципы. Главный принцип и главное оружие его - это гласность... Демонстрация - это пока еще не форма. Это пока истерическая форма. Пока на демонстрацию ходят 20-30-40 человек, это не демонстрация. На демонстрацию нужно выйти 1000 человек, тогда это будет демонстрация. Пока единственной апробированной формой, и даже признанной властями, является форма наших письменных протестов..." [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 58-60].

Отказавшись от "подпольщины" и сделав ставку на гласность, на легальные или полуполигальные формы борьбы, диссидентское движение поставило себя в сложное положение. С одной стороны, ему удалось существенно расширить идеологическую "ауру" критики режима, с другой - оно облегчило работу политического сыска, не делая из своей деятельности никакой тайны. Будучи интеллектуально влиятельным и исключительным по своему значению культурным феноменом 1970-х годов, многократно превосходя "подпольщиков" по степени воздействия на общество, правозащитное движение не могло в то же время не страдать от организационного вакуума, отсутствия формальных связей и т.п. Фактически оно оказалось в положении А. Герцена, лондонские издания которого читала в свое время вся образованная Россия, не исключая высших царских сановников и самого царя. Но, пока изменения и трансформации режима зависели от благорасположения самой власти, у Герцена на вооружении не было ничего, кроме "слова правды", к которому правители прислушались, но вовсе не спешили следовать.

В XIX веке идеи Герцена и других полуполигальных критиков царизма в конце концов соединились с организационной деятельностью революционеров-подпольщиков и трансформировались в программы революционных действий. Во второй половине XX века в некоторых странах Восточной Европы идеи инакомыслящих стали идеологией сильных общественных движений (например в Польше). Либеральные диссидентские идеи в СССР не успели пережить подобной трансформации, а само движение к концу 1970-х годов практически сошло на нет. Докладные записки КГБ в ЦК КПСС с конца 1970-х годов содержат упоминания только об «остатках т.н. "борцов за права человека"» [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462].

Причины кризиса отечественного правозащитного движения следует, однако, искать не только в полицейской мудрости Андропова. Начало и расцвет деятельности правозащитников пришлось на период кратковременного "симбиоза" населения и власти, что ограничивало возможности расширения сферы влияния правозащитных идей. А когда власти исчерпали кредит доверия, из-за обострившихся экономических проблем потеряли способность покупать лояльность "молчаливого большинства", безнаказанно накачивая в потребительский сектор экономики необеспеченные товарами деньги, у правозащитного движения уже не было сил, чтобы использовать эту новую ситуацию в свою пользу. Кроме того, будучи лишь видимой частью "антисоветского айсберга", диссиденты не только не могли, но и не пытались возглавить и организовать разнообразные формы оппозиционной деятельности. О значительной части эпизодов, связанных с подпольной антисоветской деятельностью, они просто не знали, как и все население СССР. Но даже если бы и знали, то, верные своему отрицанию "подпольщины", вряд ли стали бы связываться с сомнительными "конспираторами".

С середины 1960-х годов судебные преследования инакомыслящих пошли на спад, а затем и почти совсем прекратились (см. табл. 1 в предыдущей статье [Козлов. 2002]).

Но это вовсе не означало, что размах крамольной деятельности пропорционально снизился. 11 октября 1972 года Председатель КГБ Андропов и Генеральный прокурор СССР Руденко информировали ЦК КПСС о количестве профилактированных участников "группирований политически вредного характера". За 5 лет (с 1967 по 1971 год) было выявлено и профилактировано 13 602 человека, входящих в состав 3096 "группирований" [ГАРФ, оп. 32, д. 8176, л. 65]. В среднем получается 2720 человек в год. Вспомним, что в середине 1950-х задержание за антисоветскую агитацию и пропаганду почти автоматически означало арест и судебное преследование (другими словами, соотношение выявленных и осужденных антисоветчиков было практически один к одному). Если оценить упомянутые статистические данные с этой точки зрения, то получается, что уровень оппозиционной активности населения в первые годы пребывания Брежнева у власти был весьма высоким, даже выше, чем во время вспышки репрессий в 1957-1958 годах. Можно, пожалуй, говорить о серьезных, хотя и кратковременных, симптомах кризиса во взаимоотношениях населения и власти. Причем среди осужденных и тогда, и теперь доминировали рабочие [ГАРФ, оп. 32, д. 8010, л. 230].

Однако вскоре новый курс в политических преследованиях крамолы, связанный с именем Андропова, начал постепенно приносить свои плоды, а оппозиционная активность населения пошла на спад. В справке о состоянии прокурорского надзора за следствием в органах государственной безопасности и работе отдела за 1975 год (12 февраля 1976 года) отмечается, что в 1975 году "предостережено" только 484 человека. Из них лишь один впоследствии был привлечен к уголовной ответственности [ГАРФ, оп. 32, д. 8670, л. 29].

В конце 1970-х годов появились симптомы того, что режим снова засасывает в воронку растущего протонародного недовольства и возможно повторение ситуации "позднего Хрущева". Если, например, в 1969-1977 годы - пик "брежневизма" - не было зафиксировано ни одного случая крупных массовых беспорядков, то в 1977 и в 1981 годах появляются первые ласточки новой волны движения народного протеста. Происходят "хулиганские выступления" в городе Новомосковске Тульской области и направленные против милиции беспорядки с этнической подкладкой в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) на Северном Кавказе, в Северо-Осетинской АССР [О массовых... 1995, с. 151]. Симптомы социального кризиса проглядывали в охватившей страну в конце 1970-х годов эпидемии повального пьянства. По сравнению с 1960 годом потребление спиртного выросло в два раза. На учете состояло 2 млн алкоголиков. В 1978 году в органы милиции было доставлено около 9 млн пьяных, свыше 6 млн попали в вытрезвитель [ГАРФ, оп. 32, д. 9102, л. 22]. Горючего материала для новой волны массовых беспорядков было более чем достаточно.

Какое-то время нарастание движения народного протеста удавалось сдерживать, но правоохранительные органы уже предчувствовали новую вспышку массовых волнений. Не случайно престарелый Генеральный прокурор СССР Руденко бомбардировал ЦК КПСС докладными записками о состоянии преступности, а органы МВД запасались специальным химическим средством "Черемуха-10". С его помощью власти предполагали прекращать "буйства и бесчинства отдельных лиц", чтобы "исключить в каждом конкретном случае применение оружия" [РГАНИ, ф. 89, перечень 27, док. 22, л. 1-4]. С 1972 года это средство применялось только в тюрьмах и лагерях, но в 1976 году МВД потребовало у ЦК КПСС разрешения использовать "Черемуху" и вне тюремных стен.

(После смерти Брежнева и еще до прихода к власти Горбачева кривая негативной "пассионарности" советского общества действительно поползет вверх. После двух довольно спокойных лет во второй половине 1984 - начале 1985 года, фактически за полгода, случаются два крупных волнения, одно из них - на этнической почве в столице Таджикистана Душанбе. Во второй половине 1985 года вновь будут зафиксированы давно забытые беспорядки в воинских эшелонах с призывниками в Советскую армию.

Вопрос удостоится специального рассмотрения на заседании Секретариата ЦК КПСС [РГАНИ, ф. 89, перечень 11, д. 138, л. 1].)

Чем дальше, тем больше становилось очевидно, что сугубо административными и полицейскими мерами и даже "подкупом" народа нельзя преодолеть предрасположенность большого социума к разнообразным формам выражения недовольства. Реально или потенциально конфликтные периоды как бы обрамляют время пребывания Брежнева у власти, косвенно свидетельствуя о социальной нежизнеспособности "застоя" как формы правления и образа жизни. Страна вступала в новую эпоху, уже сидя на бочке с порохом с зажженным фитилем.

Нараствание кризисных явлений и новая вспышка простонародного недовольства отодвинули правозащитников на периферию антиправительственных выступлений. На поверхность начали выходить новые силы, гораздо менее интеллигентные, но более активные и опасные для власти. С конца 1970-х годов докладные записки КГБ в ЦК КПСС все больше сосредоточиваются на "внедиссидентской" крамоле (подпольные организации, террористические акты или их подготовка, возрождение националистического подполья на окраинах и развитие русского национализма в России) и все меньше беспокоятся об "остатках" смятого правозащитного движения.

8 января 1977 года в Москве прогремели три взрыва. Первый - в поезде метро (погибли на месте или умерли от ран 6 человек, ранены 21 человек), второй - в магазине "Продукты" (умер от ран 1 человек, 11 получили ранения). Третья бомба взорвалась в урне для мусора на улице 25 Октября (ныне Никольской) в центре Москвы (ранены 5 человек). Организатором террористических актов была подпольная организация армянских националистов, выступавшая за отделение Армении от СССР [ГАРФ, оп. 36, д. 7642, л. 2-4]. К террору начали подступать и "подпольщики" центральной России. В ряде случаев дело не ограничивалось, как это обычно бывало прежде, только "террористическими высказываниями". По информации КГБ в ЦК КПСС от 29 ноября 1981 года житель Ярославля Е. Негрий<sup>3</sup> готовил взрыв самодельных бомб в различных местах города "с целью побуждения населения к активному выражению недовольства недостатками в снабжении продуктами" [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 122, 123].

Сочетание террористических угроз с призывом к забастовкам было зафиксировано в 1979 году среди шахтеров Шпицбергена. Там, в поселке Баренцбург на щите для объявлений у здания рудоуправления производственного объединения "Арктика-уголь" и в двух шахтах были обнаружены три рукописные листовки за подписью "комитета шахтерской чести". Авторы воззваний требовали от администрации улучшения снабжения продовольственными и промышленными товарами, увеличения заработной платы, снижения норм выработки, отмены материальных наказаний. В случае невыполнения этих требований до 1 января 1980 года "комитет" угрожал "перейти к применению оружия, взрывчатки, а также передать представителям западной прессы компрометирующие руководящий состав рудников магнитофонные записи".

В 1982 году КГБ арестовал двух рабочих плавучего крана Приморской флотилии Тихоокеанского флота. "На почве негативного отношения к внутренней политике КПСС и недовольства советской действительностью", говорилось в докладной записке КГБ в ЦК КПСС 4 октября 1982 года, эти люди "готовились осуществить экстремистские действия в отношении руководящих партийных работников Приморского и Хабаровского крайкомов КПСС. В этих целях они изготовили и испытали взрывные устройства, в том числе дистанционное управление, принимали меры к приобретению огнестрельного оружия и боеприпасов, подыскиванию сообщников... На допросе они показали, что готовились взорвать трибуну на пл. Борцов революции в г. Владивостоке во время предстоящей демонстрации 7 ноября" [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 34-36].

<sup>3</sup> В 1980 году органы КГБ, уже "профилактировали" его за антисоветскую агитацию и пропаганду.



Не то чтобы такие случаи становились массовыми или опасными для режима (они никогда не бывают массовыми). Внимание привлекает то, что по своему характеру они существенно отличались от "террористической болтовни". Намерение совершить террористический акт было в ряде случаев серьезным, а подготовка к диверсиям - почти профессиональной. Одновременно происходило как бы "сгущение" мотивов "простонародных" антиправительственных действий, их концентрация вокруг наиболее существенных вопросов жизни: зарплата, уровень жизни, дефицит продовольственных и промышленных товаров. Это были первые симптомы того, что политика подкупа населения необеспеченными деньгами зашла в тупик. А на смену купленной лояльности и "симбиозу" могли прийти массовое недовольство и простонародный протест, сокрушившие в свое время легитимность и авторитет Хрущева.

Опасность нависла над важнейшими опорами режима. В начале 1980-х годов тайная полиция была озабочена проникновением крамолы в органы внутренних дел. Еще в 1960-е-1970-е годы отдельные сотрудники милиции бывали замешаны в делах об антисоветской агитации и пропаганде. Но тогда подобные случаи рассматривались, скорее, как случайность. В самом начале правления Горбачева в отдел административных органов ЦК КПСС поступила справка КГБ "Об информировании МВД-ГУВД-УВД в январе-июне 1985 года в процессе их контрразведывательного обеспечения". По данным КГБ за "негативные и подчас враждебные действия, наносящие ущерб государству" было профилактровано 334 сотрудника органов внутренних дел. Официальное предостережение было сделано, например, контролеру следственного изолятора МВД СССР за попытки создать молодежную антисоветскую организацию, разработку ее "программы" и "устава". Начальник участка отдела связи УВД Приморского крайисполкома систематически знакомил своих сотрудников с произведениями А. Солженицына, П. Григоренко и др. Старший инспектор отделения кадров Ступинского ОВД ГУВД Мособлисполкома тоже знакомила сотрудников милиции с запрещенными произведениями А. Солженицына и Б. Пастернака. Существенно важным представляется феноменальное идеологическое разнообразие проявлений "милицейской оппозиционности". В качестве примеров органы государственной безопасности приводили как восторги по поводу западного образа жизни, высказывания в защиту А. Сахарова и А. Солженицына, так и "восхваление идеологии фашизма".

С конца 1970-х годов все активнее вели себя идеологи подпольного и полуподпольного русского национализма, имевшие возможность, в отличие от либеральных диссидентов, апеллировать к чувствительным струнам национальной души, спекулировать на националистических предрассудках недовольного народа. Нападки на власть за ее недостаточную "русскость" были способны привлечь гораздо больше сторонников и сочувствующих, чем либеральные идеи правозащитников. При этом любая попытка публично дискредитировать "русскую правую" обернулась бы против самой власти - ведь националисты вели речь не о "реставрации капитализма", а о "патриотизме", национальных святынях, выстраивая изощренные демагогические схемы. Да еще и предлагали исключительно простые объяснения: дела идут плохо, потому что в руководстве страны много евреев. Иногда подобные утверждения сопровождалась даже "статистическими выкладками", довольно широко ходившими по рукам, в том числе и среди правозащитных коммунистов. (Я хорошо помню, как уже при Горбачеве один из сотрудников аппарата ЦК КПСС в приватной беседе довольно цинично излагал планы соединения коммунистической организации в РСФСР с "русской идеей". Все эти "интеллигентные" экзерсисы были приправлены изрядной долей плебейского антисемитизма.)

Информация КГБ в ЦК КПСС от 28 марта 1981 года о распространении так называемого "русизма" по своему тону и содержанию очень напоминала аналогичные документы середины 1960-х годов, когда тайная полиция столкнулась с новой формой оппозиционности (правозащитное движение) и с тревогой и озабоченностью пыталась понять своего нового противника. «В последнее время, - писал Председатель КГБ В. Чебриков, - в Москве и ряде других городов страны появилась новая

тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя "русистами". Под лозунгом защиты русских национальных традиций они по существу занимаются активной антисоветской деятельностью. Развитие этой тенденции активно подстрекается и поощряется зарубежными идеологическими центрами, антисоветскими эмигрантскими организациями и буржуазными средствами массовой информации. Спецслужбы противника усматривают в ней возможность для подрывного проникновения в советское общество.

Серьезное внимание этой среде уделяют официальные представительства капиталистических государств в СССР. Заметную активность, в частности, проявляют посольства США, Италии, ФРГ, Канады. Их сотрудники стремятся иметь контакты среди т.н. "русистов" с целью получения интересующей информации и выявления лиц, которых можно было бы использовать во враждебной деятельности.

Согласно документальным данным, противник рассматривает этих лиц, как силу, способную оживить антисоветскую деятельность в Советском Союзе на новой основе. Подчеркивается при этом, что указанная деятельность имеет место в иной, более важной среде, нежели потерпевшие разгром и дискредитировавшие себя в глазах общественного мнения т.н. "правозащитники".

Изучение обстановки среди "русистов" показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность, обретает организационную форму.

Опасность прежде всего состоит в том, что "русизмом", то есть демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за "спасение русской нации", прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя» [Пресечь... 1994, с. 35].

Далее в докладной записке приводились разнообразные примеры "русизма", который, по оценке КГБ, начал формироваться в конце 1960-х годов в Ленинграде (организация Огурцова, Вагина и других, готовившая «вооруженное свержение советской власти и установление в стране т.н. "социал-христианского режима"»). В 1975 году к уголовной ответственности был привлечен Осипов, который в нелегально издаваемых им журналах «протаскивал "русистские" идеи, содержавшие в конечном итоге призыв к изменению существующего в нашей стране государственного строя». В начале 1980-х годов внимание органов государственной безопасности привлек А. Иванов, связанный с Осиповым. Иванов был автором литературных произведений "Логика кошмара" и "Рыцарь неясного образа", «изображающих историю КПСС и Советского государства как "непрерывную цепь заговоров, переворотов, грубого насилия, задуманных и осуществленных людьми, мечтавшими только о сохранении своей личной власти", и возводящих клевету на видных деятелей партии и Советского государства». Особое беспокойство органов вызывал тот факт, что Иванов как "борец за русское дело" имел широкий доступ в дома творческой интеллигенции, в частности художника И. Глазунова.

Помимо интеллектуальной верхушки к "русистам" причисляли себя и некоторые откровенные демагоги-шовинисты. Их идеология сочетала обычные антибюрократические мотивы и обвинения режима в перерождении и отрыве от народа с заявлениями "об отсутствии противодействия сионистским тенденциям и в конечном счете неспособности нынешней государственной структуры управлять политическими, социальными и общественными процессами".

В общем-то "русизм" в начале 1980-х годов не представлял сколько-нибудь серьезного *движения*, но это было отчетливое общественное *настроение* - опасное для власти и довольно новое для советского "интернационального" режима. Если соотнести эту националистическую тенденцию с расцветом национализма на периферии советской империи, то станет ясным, что перед коммунистическими олигархами на рубеже 1970-1980-х годов замаячила угроза куда более серьезная, чем традиционные обвинения в бюрократическом перерождении и измене "делу Ленина" или полулегальная либеральная правозащитная критика КПСС со стороны сердитых московских интеллектуалов.

Таким образом, проявления позднесоветской крамолы, зафиксированные в надзорных документах Верховного суда и Генеральной прокуратуры весьма многообразны. В послесталинский период - это прежде всего политические разговоры за праздничным столом, в обеденные перерывы, в городском транспорте и загородных электричках. Они стали неотъемлемым элементом повседневности, частью образа жизни. Мало кто из простых людей мог уследить за идеологическими поворотами власти. Поэтому шанс стать жертвой доноса по обвинению в антисоветизме был практически у каждого жителя страны, способного высказываться на политическую тему или просто выругаться в адрес высшего "начальства". Во времена Хрущева и Брежнева "болтали" уже миллионы, но, слава Богу, сажали в тюрьму за антисоветскую агитацию и пропаганду десятки, в крайнем случае сотни людей в год. При Брежневе "за болтовню" практически совсем не сажали.

Многообразны формы символического протеста населения против власти и идеологии коммунистов. Характерны архаичные формы "осквернения" изображений коммунистических вождей и других "идеологических" святынь режима. Эти действия требовали немалой изобретательности. Поэтому логичен переход от них к различным формам индивидуального *открытого* протеста ("вышел на улицу с плакатом..."), сочинению листовок и других анонимных агитационных документов. Последние могли как существовать в единичных экземплярах, так и иметь значительный тираж. Особая форма таких документов - антисоветские надписи на избирательных бюллетенях. Мало известно о "литературных антисоветчиках", чьи сочинения обычно не ходили в списках и не распространялись через "самиздат". Это авторы разнообразных трактатов и сочинений об "улучшении жизни", пороках советской системы и т.п.

Высшей формой оппозиционной деятельности в додиссидентский период были создание или подготовка к созданию подпольных групп и организаций, часто начавшиеся с составления различных "программ", "уставов", "клятв" и т.п. Значительная часть этих организаций была ориентирована на "улучшение" советского строя путем борьбы с партийной или государственной бюрократией, за возрождение уравнительных традиций сталинской эпохи (партмаксимума) или при помощи национальных чисток состава руководящих органов. Значительная часть этих подпольных групп резко отличалась по идеологии от правозащитников, а порой и прямо противостояла им. Особенно это касается националистических и прямо фашистских организаций. Но для власти они являлись выразителями массовых престолярных настроений подчас государство скорее считалось с ними, а не с мнением и организованным протестом интеллигенции. Ведь "крамольное" движение явно доминировало в периоды с 1965 года и с конца 1970-х годов.

Действия властей, использовавших эгалитаристские и государственнические пристрастия народных масс, а также политику материальных подачек населению, затрудняли превращение диссидентских организаций в массовое народное движение протеста. Но они не могли предотвратить развитие двух равно опасных для социалистического строя, но совершенно разных процессов, в результате которых крамола приобретала новую политическую значимость и невиданно широкую поддержку. Во-первых, в 1980-е годы нарастало идеологическое влияние правозащитников на отдельных представителей партийной элиты и государственных чиновников на местах, приведшее к осознанию ими необходимости реформы советской системы. Во-вторых, на окраинах и в центре страны наблюдался бурный рост радикальных националистических настроений среди самых широких масс народа и интеллигенции. Первый из процессов имел своим финалом формирование в ЦК КПСС группы реформаторов во главе с Горбачевым, обьявивших политику "гласности" и тем самым легализовавших "крамолу". Второй - в значительной мере определил формы, в которых происходило взаимодействие партийно-государственной элиты и народных масс в период перестройки, способствовал обострению отношений центра и периферии страны и привел в конечном счете к распаду СССР.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Гордин Я.А.* Дело Бродского // Нева. 1989. № 2.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8131.

*Козлов В.А.* Крамола: инакомыслие в СССР во времена Н. Хрущева и Л. Брежнева (По материалам Верховного суда и Прокуратуры СССР). Статья 1 // *Общественные науки и современность*. 2002. № 3.

О массовых беспорядках в 1957 году // *Источник*. 1995. № 6.

"Пресечь враждебные проявления русизма" // *Источник*. 1994. № 6.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

*Эткинд Е.Г.* Процесс Иосифа Бродского. Лондон, 1988.

*Якимчук Н.А.* Как судили поэта. Дело И. Бродского. Л., 1990.

© В. Козлов, 2002